

Альбина ДАНИЛОВА

Судьбы закон печальный. Жены сыновей Павла I

<Фрагменты>

<...> Александр I в тот период всеобщего подъема находился в самом радужном настроении. Вернувшись после коронации в Петербург, он с увлечением принялся за государственные дела, поддерживаемый своими друзьями из так называемого «Негласного комитета», образованного им еще до отъезда в Москву. В комитет входили молодые «наперсники царя» — возвращенный в Петербург Адам Чарторыжский, Николай Новосильцев, приехавший из Лондона, где он служил в посольстве, граф Павел Строгонов (в юности он побывал во Франции во время революции и даже принимал в ней участие), граф Виктор Кочубей (племянник знаменитого сподвижника Екатерины II графа А. Безбородко). Либерально настроенные, европейски образованные, но мало знавшие Россию, молодые люди в своем тесном дружеском кругу обсуждали проекты политических и общественных преобразований во многих отраслях управления. Первые годы царствования молодого монарха Пушкин назвал «дней Александровых прекрасным началом». Но эти слова нельзя было отнести к семейной жизни императора; несмотря на внешнее внимание к жене (заходил к ней, по свидетельству Розенцвейга, на несколько минут), Александр стал все больше отдаляться от нее, их супружество с 1802 года стало формальным, для парадных выходов, торжественных церемоний. Внимание императора снова привлекла красавица Мария Антоновна Нарышкина. Она была урожденной польской княжной Четвертинской, прибывшей вместе со старшей сестрой в Россию почти в одно время с князьями Чарторыжскими. Екатерина II приняла княжон Жаннету и Марию, их младшего брата Бориса, мачеху и сыновей от второго брака отца из сочувствия к их несчастью — князь Антоний Станислав Святополк-Четвертинский¹ (ополячившийся потомок древнерусского рода, Рюрикович) был

убит поляками во время восстания 1794 года за принадлежность к «русской партии».

Екатерина II успела устроить судьбу младшей из княжон Четвертинских — выдала ее замуж за богатейшего Дмитрия Львовича Нарышкина, который был старше ее почти на двадцать лет. Великий князь Александр Павлович впервые увлекся Марией Антоновной еще при жизни своего отца. Вот как описала это графиня В. Н. Головина²: «В 1801 году масленица была очень оживленна. Император приказал великому князю Александру давать у себя балы (в отведенных ему помещениях в новом Михайловском дворце. — А.Д.), а в эрмитажном театре бывали маскарады, для входа в которые было только незначительное количество билетов, вследствие чего там собиралось общество особенно избранное. На этих балах великий князь начал обращать внимание на красавицу Нарышкину. У него уже завязывалась интрига, и он рассчитывал на успех, когда князь Зубов (бывший фаворит Екатерины II. — А.Д.), выказывавший ему большую привязанность, подшутил над великим князем относительно его ухаживаний за госпожою Нарышкиной: выслушав от него откровенное признание в подаваемой ему надежде, сообщил ему, в свою очередь, что и он мог быть доволен ее обращением. Взаимное признание привело к нового рода условию: великий князь и Зубов обещали давать друг другу полный отчет в успешном ходе своих дел... Соперники соблюдали условия договора с добросовестной точностью; наконец через некоторое время князь Зубов показал великому князю записочки, которые были ему вручены Нарышкиной во время полонеза. Великий князь, которому приходилось поверять пока еще только одни слова, удалился без сожаления. Он даже выразился с презрением относительно этой женщины и обо всех, способных на такого рода поступки».

Прошло всего два года, и император Александр мог взять реванш: ловкая полька «сумела покорить его сердце, играя то на нотах восторженной любви, то действуя на его самолюбие». Уже в 1803 году в письмах Елизаветы Алексеевны к матери проскальзывают полунамеки и жалобы на какие-то грустные предчувствия. Весной она писала: *«Нужно терпение, чтобы переносить с известным равнодушием некоторые вещи, которые вконец извели бы меня, если бы я не старалась постоянно не принимать их близко к сердцу. Как я благодарю Бога, который послал мне в утешение Амалию. Ее пребывание здесь, а также общество княгини (бывшей фрейлины Натальи Шаховской, в замужестве Голицыной) много, много раз рассеивали до известной степени мрачные и тяжелые тучи, появившиеся на моем горизонте. Я постоянно повторяю себе, что мы рождены не для наслаждения, а для того, чтобы терпеть...»*

Но терпеть и молчать было трудно. При постоянных намеках на неверность супруга у Елизаветы Алексеевны не раз срывались слова отчаяния. Летом 1804 года она сообщила матери о второй беременности Нарышкиной: *«Не знаю, правда ли это, но я более не буду так огорчаться этим, как первый раз. Говорила ли я вам, что первый раз она имела нахальство сама сообщить мне о своей беременности, которая была еще в начале, так что я могла и не заметить ее. Это было на балу, и ее положение было не так заметно, как теперь. Я разговаривала с ней, как со всеми остальными, и осведомилась о ее здоровье. Она ответила, что чувствует себя не совсем хорошо, “так как я, кажется, беременна”. Не правда ли, дорогая мама, что нужно иметь невероятное нахальство, чтобы сказать это, ибо она отлично знала, что мне известно, от кого она могла быть беременна. Не знаю, что будет дальше и чем все это кончится; знаю одно, что я не стану портить ни своего характера, ни своего здоровья ради существа, не стоящего этого, но мера терпения может перейти границы... Император первый глумится над благоразумным поведением и ведет об этом предмете разговоры действительно возмутительные, особенно в устах того, кто должен следить за порядком и нравами».*

В отличие от своих замужних сестер, которые чуть ли не каждый год рожали детей, Елизавета Алексеевна оставалась бездетной. Это особенно усиливало ее горести. Но к детям своего супруга она не испытывала неприязненных чувств. Когда первый ребенок Александра I и М. А. Нарышкиной умер совсем маленьким, она признавалась в письме к матери: *«Не знаю, сообщила ли вам Амалия о событии, которое меня поразило и заставило бы меня уверовать в правосудие судьбы, если бы я в нем сомневалась. Я говорю о смерти ребенка, рождение которого причинило мне столько огорчения... Он умер в августе, я от души жалела императора. Он был с неделю очень печален, но, вероятно, мать (М.А. Нарышкина) довольно скоро утешилась, ибо иначе он не утешился бы так скоро. Впрочем, прошлой зимой она потеряла другого ребенка и по прошествии трех недель она уже танцевала. Дружеское участие, которое я выказала императору по этому поводу, не насилуя себя при этом, так как всегда питала и буду питать к нему в душе участие, мое сочувствие к его горю было причиной того, что он стал относиться ко мне чуть ли не нежно. Но это продолжалось не более двух недель. Впрочем, когда мы остаемся одни, он относится ко мне хорошо, но это бывает не долго и не часто».*

<...>

Между тем светский Петербург жил своей жизнью. Его внимание было занято совсем другим, о чем известно, в частности, из дневниковых записей французского посла Коленкура, сменившего на своем

посту генерала Савари. Новый посол подробно заносил в дневник все, что мог видеть при дворе, слышать в высшем обществе, — описывал балы, рауты, фиксировал разного рода слухи, пересуды, сплетни, то, о чем говорили в светских салонах. В январе 1808 года он записал: «13-го. Нарышкина родила через девять месяцев и пять дней, считая со дня отъезда государя. Утверждают, что происходит семейный спор, на котором отцовство приписывалось племяннику Льву. Он служит гусаром гвардии и всегда в Петербурге...» Еще из январских записей: «Много было генеральских производств...», «Говорят только о мундирах, бредят только платьями, в которых явятся на смотр...», «Молодая Влодек³ считается последнею победой государя...» В конце февраля Коленкур отмечал: «Нарышкина снова торжествует над своими соперницами. Мелкие заботы о балах и за ужином продолжают у нее; каждое утро ее встречают пять или шесть раз то верхом, то в санях». Наиболее интересна запись от 5 апреля 1808 года: «К Нарышкиной вернулась вся ее сердечная власть. Толстой (обергофмаршал граф Николай Александрович. — А.Д.) и еще кое-кто умоляют государя жить с государыней, по крайней мере настолько, чтобы иметь от нее ребенка. Напрасно: государь рыцарски любит Нарышкину. Несколько дней назад он мне говорил, что ему совестно понапрасну обманывать ее и говорить, что он любит ее ради нее самой; что он любит ее ради их двух детей, а также потому, что она никогда не заговаривала с ним о делах». Александр I признался Коленкуру, что между ним и Нарышкиной все было бы кончено в тот день, когда она вздумала бы вмешиваться в государственные дела. Император уверял посла, что такого рода жизнь вернула ему полное счастье, что эта связь к тому же не в тягость государству и что, хотя она длится уже шесть лет, он никогда не мог заставить Нарышкину принять от него деньги: «Бывают мгновения, когда чувствуется потребность не быть государем, быть уверенным, что вы любимы, что заботы и оказываемые вам ласки не жертва, приносимая с корыстолюбивой целью».

Из записей Коленкура, не предназначавшихся для посторонних глаз и потому откровенных, видно, что отношения Александра I и Нарышкиной не были безоблачными. Хотя красавица полька и не хотела принимать от императора, как он уверял, материально подтвержденных знаков внимания, но она вовсе не отказывалась от того, чтобы использовать преимущества своего положения. Немало родных, знакомых Нарышкиной благодаря ее протекции получали и должности, и чины, и награды. Любила ли она Александра I на самом деле, судить сложно. Во всяком случае немало современников подвергали искренность ее чувств сомнению, правда, отдавая должное ее безусловному очарованию и женскому таланту, умению удержи-

вать при себе царственного любовника, несмотря на все другие его увлечения. Сохраняла ли она ему верность во время его частых отлучек из Петербурга? Сомнительно. Иначе не возникали бы все эти подозрения, все эти разговоры в свете, все эти откровенные подсчеты по дням ее беременностей. Высокие моральные принципы были не для нее. Один из современников очень зло назвал ее «Минервой в час похоти». Многим был известен ее роман с князем Гагариным, которого, во избежание неприятностей, отослали за границу. Среди возможных «утешителей» Марии Антоновны Нарышкиной считали не только Льва Нарышкина⁴, племянника ее мужа, молодого (он был на шесть лет моложе красавицы тетки) повесу, представителя «золотой молодежи». В дневнике Коленкура есть запись, относящаяся к апрелю 1809 года: «Говорят, у Нарышкиной любовником генерал-адъютант Ожаровский⁵. Государю это известно. Эта связь подходит к концу. Так как детей нет, то о ней и речи не было». Говорили, что император неожиданно застал своего флигель-адъютанта в будуаре Нарышкиной, но Мария Антоновна сумела оправдаться. На судьбе же Ожаровского эта пикантная ситуация не отразилась. Видимо, с годами Нарышкина стала тяготиться связью со своим царственным любовником. Если верить «Запискам» графини Эдлинг, именно Нарышкина была инициатором разрыва с царем.

От связи с Нарышкиной у Александра I было несколько детей, но он оказался несчастливым отцом. Недаром же он сказал своему лейб-медику, что бог не любит его детей. О смерти двух из них писала матери и Елизавета Алексеевна в одном из приводившихся выше писем. Та дочь, о рождении которой в январе 1808 года сделал запись Коленкур, это Софья Нарышкина, наиболее любимая Александром I. Видимо, родилась она слабенькой, потому что в июле Коленкур отметил в дневнике: «Прекрасная Нарышкина ездила на богомолье в монастырь за восемьдесят верст от Петербурга возблагодарить Всевышнего за исцеление дочери». Софья дожила до шестнадцати лет. В 1824 году она стала невестой графа Андрея Шувалова, но умерла от чахотки накануне своей свадьбы.

